

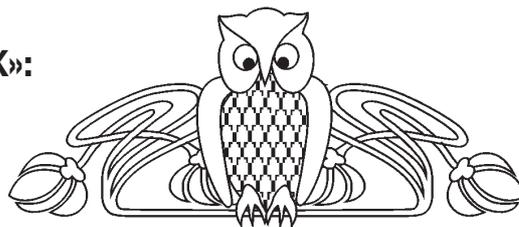

УДК 821.161.1.09-32+929 Солженицын

РАССКАЗ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «МОЛОДНЯК»: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Г. А. Чуриков

Воронежский государственный университет
E-mail: churikov.georgy2012@yandex.ru

В статье рассматриваются идейный мир рассказа А. И. Солженицына «Молодняк», специфика конфликта традиционного и новаторского начал в послереволюционной России (1920–1930-е годы) и его актуальность для современной России.

Ключевые слова: Солженицын, жанр, революция, Россия, оппозиция, персонаж.

A Short Story by A. I. Solzhenitsyn «The New Generation»: From the Past to the Present

G. A. Churikov

The article analyzes the ideas in A. I. Solzhenitsyn's short story «The New Generation», the peculiarities of the conflict of tradition and innovation in post-revolutionary Russia (1920–1930s) and its relevance for modern Russia.

Key words: Solzhenitsyn, genre, revolution, Russia, opposition, character.

*История повторяется.
Это один из ее недостатков.*

К. Дарроу

В одном из своих интервью А. И. Солженицын сказал о том, что почти всю свою жизнь отдал русской революции. События 1917 г. для писателя стали ключевым объектом исторических размышлений. Значительный пласт его художественных и публицистических работ был посвящен осмыслению революции, ее итогов и роли в истории России. Самое полное отражение этой проблематики мы находим в романе-эпопее «Красное Колесо», который был завершен в 1990 г. Возвращение писателя на Родину ознаменовалось и его возвращением в художественную литературу. В 1994 г. начинается новый этап творчества А. И. Солженицына: создается второй цикл крохоток, односуточная повесть «Адлиг Швенкиттен» и цикл двучастных рассказов. Жанр двучастных рассказов стал очередной творческой находкой писателя (наряду с «повествованием в отмеренные сроки», «опытом художественного исследования», «крохотками»). Сам А. И. Солженицын в очерках изгнания «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» писал: «Давно я задумал и томлюсь по жанру рассказов *двучастных*. Этот жанр – просто сам просится в жизнь»¹.

Большинство литературоведов и критиков приняли новые произведения писателя достаточно сдержанно. Это во многом объясняется сменой

политической формации 1991 г., которая принесла обманчивую надежду на быстрые социальные улучшения. Но смена политического курса, крах СССР не изменили ключевых творческих стратегий А. И. Солженицына. Малая проза 1990-х гг. в полной мере унаследовала идейно-тематический вектор солженицынских произведений советского периода. Для писателя по-прежнему необходимо было обращаться к художественному осмыслению нашей истории XX столетия сквозь призму утраты России дореволюционной и становления России советской. Особенно показательным в этом отношении нам представляется двучастный рассказ «Молодняк»².

Автор рассказа погружает нас в разгар послереволюционной эпохи со всеми ее общественными трансформациями и социальными перипетиями. Известный русский историк Н. И. Ульянов так описывал кризисное время 1920–1930-х гг. прошлого столетия: «Первые семнадцать-восемнадцать лет были годами беспощадного истребления русской культурной элиты, уничтожения исторических памятников и памятников искусства, искоренения научных дисциплин, вроде философии, психологии, византиноведения, изъятия из университетского и школьного преподавания русской истории, замены историей революционного движения. Не было в нашей стране дотеле таких издевательств надо всем носившим русское имя»³.

Оппозиция «старого» и «нового» мира является стержневой в авторском замысле, что находит свое отражение и на уровне персонажей, и на уровне композиции.

В рассказе «Молодняк» два главных героя, четко противопоставленных друг другу: студент ростовского рабфака «Лёшка» Коноплёв, олицетворяющий новое поколение, и инженер и доцент мостостроительного факультета Института путей сообщения Анатолий Павлович Воздвиженский, представитель исчезающей эпохи.

На композиционном уровне эта оппозиция проявляется в выборе жанра произведения – двучастного рассказа. В первой части повествования студент Коноплёв пытается сдать экзамен по сопромату доценту Воздвиженскому. Тому быстро становится ясно, что молодой человек «ни в зуб не знает ничего». Экзаменатор понимает, что перед ним один из тех «вскочынутых» рабфаковцев, которые пытаются добросовестно учиться, но

это у них плохо получается. Он задумывается над судьбой этих «жертв» политики просвещения масс и все же идет навстречу студенту: «И подумал Анатолий Павлович: если политика властей такая настойчивая, и понимают же они, что делают, какую нелепость, почему моя забота должна быть больше? <...> Глубоко вздохнул. Медленно вывел “уд” и расписался» (336).

Поток рабфаковцев, к которым приказывали смягчать требования, был не единственной приметой новой эпохи. Менялся внешний вид «городской публики», что отражалось и на сотрудниках института: «На Анатолии Павловиче костюм был и скромный, и далеко не новый, а всё-таки при белом воротничке и галстуке. А были в их институте и такие профессора, кто нарочито ходил в простой рубашке навыпуск, с пояском. А один, по весне, и в сандалях на босу ногу. И это никого уже не удивляло, а было – именно в цвет времени» (337). Шло постепенное вытеснение представителей старой интеллигенции, ограничивался прием лиц непролетарского происхождения.

Несмотря на происходящие изменения в окружающем мире, Воздвиженский продолжает жить привычной жизнью, но зыбкость, непрочность его положения ощущается все острее.

Во второй части главные герои меняются ролями. Обвиняемый во вредительстве доцент Воздвиженский оказывается во власти своего бывшего студента, а ныне следователя Коноплева. Их встреча происходит уже не в учебной аудитории института, а в здании ростовского ОГПУ. Коноплев не забыл помощи Воздвиженского и в свою очередь пытается спасти попавшего в беду преподавателя. Однако путь освобождения, который предлагает следователь, должен быть оплачен дорогой ценой: «Но – как наплевать на свою двадцатилетнюю увлеченную, усердную работу? Просто – на самого себя, в душу себе?» (344).

А. И. Солженицын противопоставляет главных героев по целому ряду параметров: фамилия, внешность, уклад жизни, речь и т. д.

В художественном мире А. И. Солженицына антропонимы всегда имели большое значение. Рассказ «Молодняк» – не исключение. Обратим внимание на фамилии главных героев произведения. Фамилия Воздвиженский является по своему происхождению семинарской и связана с религиозным праздником Воздвижения Креста Господня⁴. Этот праздник связан с событиями земной жизни Иисуса Христа. В 326 г. в Иерусалиме у горы Голгофы был найден Крест, на котором распяли Иисуса Христа. Крест воздвигали перед верующими, то есть поднимали – отсюда и Воздвижение. Своя голгофа ожидает в финале рассказа и обладателя символической фамилии. Сам глагол ВОЗДВИГАТЬ (или воздвигать) определяется В. И. Далем, как «сооружать, созидать, ставить, строить; || подымать, воздымать или возносить; || кого, побуждать на вражду»⁵. Так, фамилия этого героя несет в себе значение созидания,

строения, возвышения, т. е. устремления вверх. Это напрямую соотносится с образом солженицынского персонажа, чья профессия и предполагает постоянный духовный рост и способствование интеллектуальному развитию студентов.

По-иному воспринимается фамилия другого героя – Коноплева. Она образована от прозвища Конопель, которое соотносится с названием растения конопля (конопель). Как известно, конопля играла значимую роль в крестьянской жизни: из нее делали конопляное масло, конопляную кашу, полотно для постели и одежды, верёвки для белья и упряжь для коней, рыбацкие сети, морские канаты и паруса, а наиболее известный продукт, получаемый из конопли – волокно, которое известно многим под названием «пенька». В соответствии со своей фамилией герой и предстает перед читателем человеком труда, связанным с землей, с миром крестьянства. Не случайно в первой части рассказа он работает лудильщиком посуды на заводе. И хотя трудится Коноплев в городе – его деревенское происхождение очевидно.

Важную роль в создании образов главных героев играет описание их внешности. Автор почти не заостряет внимания на портретных деталях инженера Воздвиженского, видимо, оставляя читателя самому додумать образ – скорее всего мы должны «разглядеть» типичного представителя интеллигентской, вузовской среды. Зато неоднократно обращается к описанию фигуры студента-лудильщика – у которого были низкий лоб, широкие плечи, широкая кость, «широкий крупный нос, и все лицо с широкой костью, губы толстые» (336). А кисти рук Коноплева автор сравнивает с лапами: «...обе кисти, как лапы, приложил к груди» (336).

Еще одно противопоставление героев происходит на уровне языка. Грамотная речь доцента Воздвиженского ярко контрастирует с речью Коноплева. Высказывания этого персонажа насыщены просторечными формами и оборотами. У него «каждый день» трудности с учебой, ему «сопромата не взять ни в жисть» – «уж дюже скаженный», ведь «мозги пообломаются от такой тяготы», потому что «не берёт голова, не приспособлена» (335).

Описание квартиры Воздвиженских открывает нам еще одну грань образа героя. В квартире героя царят спокойствие, уют и взаимопонимание. Здесь его окружают заботливая дочь «Лёленька» и жена, «солнышко Надя». Параллель между уютной квартирой Воздвиженских и домом Турбиных из булгаковской «Белой гвардии» напрашивается сама собой.

Мир, в котором живет Коноплев, совсем не таков. Это – мир, где есть множество единомышленников, много лозунгов, крика и суеты, много выступлений с трибуны. Много *нового* и сплошное отрицание *старого*. Этот мир основан не на традиционных семейных ценностях, не на генетическом родстве. Это родство – идеологическое.

Это – мир «молодняка», который выталкивает на периферию жизни все не соответствующее духу послереволюционной эпохи.

Слово «молодняк» является ключевым в рассказе, именно его писатель выносит в заглавие произведения. Эта лексема несет в себе важную идейно-тематическую нагрузку. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, отразившем изменения в лексико-семантической системе русского языка послереволюционного периода, приводятся три значения этого слова: 1) молодые животные; 2) молодой лес; 3) молодые люди⁶. Отметим активное функционирование этой лексемы в устной и письменной речи 1920–1930-х. В частности, именно этим словом озаглавил свой рассказ А. Т. Аверченко (1925 г.), и оно же стало названием литературной организации комсомольских писателей Украины, созданной в Харькове (1926 г.), которая выпускала одноименный журнал. Очевидно, что обозначение нарождающегося движения строителей Нового мира как молодняка концептуально. Можно предположить, что для А. И. Солженицына в данном случае все три словарных значения сливаются в одно. Действующая в рассказе масса молодых людей почти обезличена. Их личности не функционируют вне коллектива единомышленников – и здесь напрашивается сравнение со стадом животных. Уместным нам кажется и сравнение с молодыми деревьями – ведь вся эта молодая «поросль» однажды вырастет и станет частью «огромного лесного массива» – приверженцев советской идеологии.

Авторская оценка «молодняка» представлена в рассказе имплицитно. Мы не увидим прямой писательской критики формирующегося поколения, не встречается негативной оценки в высказываниях и размышлениях А. П. Воздвиженского: «У новой молодёжи – у неё же есть, наверно, какая-то правда, которая нам недоступна. Не может её не быть» (338). Лишь оказавшись в подвале ОГПУ, герой задумается над смыслом происходящего: «А ведь задолго до революции и предчувствовали, пророчили поэты – этих будущих *гуннов...*» (344). А. И. Солженицын предоставляет читателю возможность самому дать оценку сущности «молодняка», его идеям и программе.

Суть этой программы раскрывается в эмоциональной лекции («О задачах нашей молодёжи») заезжего московского агитатора в ростовском ДК, куда торопится студент Коноплёв после экзамена по сопромату. Из этой лекции мы узнаем, что одним из главных принципов новой ценностной модели является интернационализм. Русский мир стал чрезвычайно узок для подрастающей коммунистической молодежи, их цель масштабна – освоение мирового пространства, «авангардизм и планетаризм» (340). Еще одной характеристикой «нашей молодежи» должен быть атеизм: «...безбожие, чувство полной свободы ото всего, что вненаучно. Это развязывает колоссальный

фонд смелости и жизненной жадности, прежде пленённых боженкой» (340). И это – еще один шаг в сторону от монархической православной России. Третья черта «молодняка» – безукоризненная классовость, которая предполагает отказ от «чувства человеческого вообще» и призывает отдаться безграничному оптимизму, ведь «наша молодёжь – счастливейшая за всю историю человечества» (340). И, наконец, венцом пропагандистского мероприятия становится вопрос, прозвучавший из зала: «А кто кого должен слушаться: хороший пионер плохого отца – или плохой отец хорошего пионера?..» (341). Такая система ценностей становится нормой в советской России. И с этим приходится считаться всем, в том числе и представителям «старой» интеллигенции.

Таким образом, А. И. Солженицын в своем рассказе «Молодняк» снова обращается к актуальной для его творчества и русской литературы XX в. в целом теме человека, оказавшегося на историческом изломе и пытающегося выжить в сложившихся условиях. Но просто выжить – мало. Надо сохранить честь и достоинство, не предать своих идеалов. Но сделать это по силам не каждому, потому что альтернатива, перед которой оказывается человек, может быть по-настоящему страшной. А. П. Воздвиженский, попавший в ростовское ОГПУ, должен сделать такой выбор: или **физическое выживание** (но должность вузовского стукача), или **духовное спасение** (но путь в лагерь и лишение будущего своей семьи). О принятом главным героем решении мы узнаем из финального предложения в рассказе: «Через неделю его (Воздвиженского – Г.Ч.) освободили» (345).

В отличие от инженера Воздвиженского, перед «Лёшкой» Коноплёвым в рассказе проблема нравственного выбора не возникает. Он его давно уже сделал. У Коноплёва совсем иная роль в произведении – он перед таким выбором призван *ставить*.

Все представленные в рассказе художественные оппозиции являются важными не только для понимания авторской концепции произведения, но и для осмысления нашего прошлого. Для максимально объективного понимания смутного этапа русской истории между двумя мировыми войнами, когда Россия кипела от столкновения старого и нового, когда тысячи «Воздвиженских» сталкивались с тысячами «Коноплёвых», которые были носителями нового мировоззрения. И понимание это, в первую очередь, должно носить не характер примитивной (хотя и справедливой) критики политической платформы партии большевиков, ломавших все многовековые скрепы русского мира, а характер воспитательный. Рассказ А. И. Солженицына «Молодняк» необходимо расценивать не только как талантливую художественную ретроспекцию, а прежде всего как урок.

Отдавший много сил и времени исследованию русской истории, А. И. Солженицын

увидел сходство известных событий 1991 г. с революционной ситуацией, подробно описанной в «Красном Колесе». Долгие годы борющийся с советской системой писатель на заре 1990-х был далек от победных настроений – не такого финала он ждал от своего противостояния с коммунистической системой. Известный русский философ А. А. Зиновьев верно подметил: «Целились в коммунизм, а попали в Россию»⁷. К несчастью, год 1991-й принес России новое Смутное время, встав на одну ступень по своей трагичности с годом 1917-м: «Так за короткие месяцы, от августа до декабря, Россия всем своим неповоротливым туловом вступила в Смуту, не назовёшь иначе, – в Третью Смуту: после Первой, 1605–1613, и Второй, 1917–1922. Размеры событий проступали неохватимые»⁸. Масштаб произошедших событий и их оценку мы видим во втором автобиографическом очерке писателя «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов». Неслучайно у А. И. Солженицына появляется символ новой российской Смуты – «желтое колесо». «Я думаю: пройдет время – и другой русский писатель, хорошо ознакомься со всеми тайнами десятилетия 1985–1995, напишет о нем другую эпопею – «Жёлтое колесо»»⁹.

Сквозь призму солженицынского произведения иначе видятся развал Советского Союза, создание Российской Федерации (нового государства-осколка советской империи), сопровождавшиеся бездарной утратой территорий и миллионов соотечественников, оставшихся в четырнадцати новых политических образованиях. Так же, как в первые послереволюционные десятилетия, в наше время происходит масштабный слом традиционной системы ценностей, новые чужеродные идеи активно внедряются в массовое сознание. Участились яростные атаки на православную культуру, попытки очернить Русскую православную церковь, прилюдно совершить греховное действие. На смену коминтерновским идеям встраивания России в международный коммунистический контекст в наши дни пришла идея глобализации – встраивание России в глобальную систему общежития, насаждение американского образа жизни в ущерб всему национальному и исконному. Навязывается нашему обществу и новый язык, яркими чертами которого становятся чрезмерное количество заимствований, жаргонной и просторечной лексики и фразеологии, размывание значений слов, называющих нравственные категории, и т. д. Это делает речь примитивной и неизбежно ведет к выхолащиванию человеческо-

го сознания. И, конечно же, нельзя не заметить и тех, кто все эти установки и ценности несет в российское общество, современного «молодняка», строящего свой новый мир (по чужеродным лекалам) в ущерб миру нашему, традиционному. А. И. Солженицын в конце века ушедшего настоятельно предупреждал: «В распаленном сейчас в нашей стране культурном базаре губительно было бы нам так легко дать переиначить и проглотить нашу отечественную культуру»¹⁰.

Находясь во власти послереволюционного дурмана 1920–1930-х, под бременем чужеродного влияния, под угрозой полного переформатирования, Россия выстояла, «переработала» новые идеи и ценности, что-то ассимилировала, что-то отбросила, но сохранила свой большой и неповторимый русский мир, хотя и в «оболочке» советской цивилизации. В наше время Россия оказалась в очередной опасности, ей снова необходимо преодолеть опасный исторический участок. И либо сохраниться, либо умереть. Рассказ А. И. Солженицына «Молодняк», возвращая к событиям почти вековой давности, не только напоминает, но и предупреждает о том, что наше прошлое в любой момент может стать нашим настоящим.

Примечания

- ¹ Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть четвертая (1987–1994) // Новый мир. 2003. № 11. С. 69.
- ² Солженицын А. Молодняк // Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Рассказы и крохотки. М., 2006. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием страницы в скобках.
- ³ Ульянов Н. Русское и великорусское // Родина. 1990. № 3. С. 88.
- ⁴ См.: Федосюк Ю. Русские фамилии : популярный этимологический словарь. 6-е изд., испр. М., 2006. С. 50.
- ⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 226.
- ⁶ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938. Т. 2. Стлб. 248.
- ⁷ Цит. по: Назаров М. Запад, коммунизм и русский вопрос // Москва. 1995. № 6. С. 104.
- ⁸ Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. С. 75.
- ⁹ Солженицын А. Жёлтое колесо // Солженицын А. На возврате дыхания : избранная публицистика. М., 2004. С. 534.
- ¹⁰ Солженицын А. Исчерпание культуры // Там же. С. 620.